

богомилам XI в. безоговорочную идеализацию царской власти и феодального болгарского государства.

Когда авторы касаются развития процесса феодализации в период византийского господства, они преувеличивают значение пожалований земель в пронию: эти пожалования изображаются не как акт оформления создающихся социальных отношений, а в качестве самой причины появления последних (стр. 158). В то же время, рисуя картину складывания феодальной зависимости, авторы упускают из виду нарушение устойчивости крестьянского хозяйства в результате вражеских набегов: это обстоятельство нередко ставило крестьянина перед необходимостью продать, подарить или отдать свою землю феодалу на прекарных условиях.

В главе о восстании 1185—1187 гг. следовало бы сказать о том, что успех восстания был облегчен деморализацией правящих кругов Византии (после событий 1183—1185 гг.).

Описание успехов болгарского государства в первые десятилетия по его восстановлению занимает немалое место в третьем разделе книги, однако фактический материал здесь явно оттесняет на задний план авторские обобщения. В главе V подробно освещена политика Калояна, но ее успех объясняется лишь победоносными войнами царя-полководца, сочетающимися с его личной энергией.

Нам кажется, что объяснение этих, равно как и последующих событий, следует искать глубже — в отношении отдельных социальных групп к новому государству, и этот вопрос должен быть поставлен в связь с проблемой периодизации болгарской истории.

Асени вовсе не заслуживают имени „освободителей народа от византийского ига“ (стр. 180). Сами авторы учебника правильно считают поддержку, оказанную братьям Асеням народными массами, важнейшим обстоятельством в истории Болгарии конца XII в., сыгравшим решающую роль не только в успехе восстания, но и в последующих событиях. Нам кажется, что этот факт следует особенно подчеркнуть. Внешнеполитическое положение Болгарии в начале XIII в. было не таким, чтобы новая династия могла пренебречь этой поддержкой. По всей видимости, содействие, оказанное Калояну еретиками (porelicains, как их называет Виллардуэн) при взятии Пловдива в 1206 г., и было выражением того, что первые Асени опирались на значительно более широкую социальную базу, чем государи Первого царства. Известные признаки этой внутривнутриполитической ориентации заметны и в деятельности Ивана II Асеня, которого папа открыто обвинял в потворстве еретикам (о чем авторы учебника, кстати, совершенно не упоминают).

Таким образом, почти в течение всей первой половины XIII в. политическое руководство страной осуществлялось той частью феодалов, которая выступала за более или менее прочный союз не только с феодалами средней руки¹, но и отчасти — с известными слоями мелких землевладельцев (вотчинников средней руки, баштинников).

Этот период, период политической централизации, должен был характеризоваться установлением экономических связей, ведущих к образованию внутреннего рынка.

В отличие от этой тенденции, среди господствующих верхов существовала и другая, выражавшаяся в стремлении к политической децентрализации, в ориентации, главным образом, на внешний рынок, наконец, в энергичном закреплении крестьянства и подавлении его протеста. Интересы этого слоя боярства выразил царь Бория, ответивший на

¹ История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 140.